

УДК 343.9

Сергей Владимирович МОИСЕЕВ,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат исторических наук, доцент
moiseev-tpg@rambler.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ «ЖЕСТКОГО УДАРА» ПО ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ КИТАЯ

IMPLEMENTATION OF THE «STRIKE HARD» POLICY ON EXTREMISM AND TERRORISM IN XINJIANG UYGHUR AUTONOMOUS REGION OF CHINA

В статье автор отразил часть исследования, посвященного становлению и развитию системы противодействия экстремизму и терроризму в Китае на примере реализации властями республики политики, получившей название «жесткого удара». Предпринята попытка в хронологическом порядке обозначить основные аспекты рассматриваемой проблемы с учетом трансформации подходов государственных структур Китая к поиску наиболее эффективных вариантов борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

In the article, the author reflects a part of the study devoted to the formation and development of the system of countering extremism and terrorism in China on the example of the implementation by the authorities of the republic a policy called «hard strike». An attempt has been made to chronologically identify the main aspects of the problem, taking into account the transformation of the approaches of the state structures of China to the search for the most effective options for combating extremism and terrorism in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region.

Ключевые слова: экстремизм, сепаратизм, терроризм, Китай, Синьцзян, противодействие экстремистским проявлениям, антитеррористическая борьба, мусульмане, уйгуры.

Keywords: *extremism, separatism, terrorism, China, Xinjiang, countering extremist manifestations, anti-terrorist struggle, muslims, uighurs.*

В 1978 г. руководство Китая определило оригинальную модель развития государства и общества, которой продолжает придерживаться с определенными изменениями и в настоящее время. Формат, как показали испытания временем, оказался эффективным. С 80-х гг. XX в. Китайская Народная Республика (КНР) показывает высокие темпы социально-экономического развития.

В течение трех десятилетий Китай преодолел дистанцию от отстающей аграрной страны до современного развитого государства с характерными чертами постиндустриального строя. Китайская политико-экономи-

ческая система, основанная на органичном синтезе идей социализма и капитализма, не имеет аналогов в мире, а изучение механизмов ее функционирования привлекает внимание исследователей многих стран.

Китай является полиэтническим государством, в стране проживают представители 56 национальностей. Большинство из них составляют ханьцы (92% этнические китайцы), представители национальных меньшинств (8%) – порядка 100 млн человек – проживают в основном в автономных районах, имеют свои культурные и языковые особенности, при этом свободно владеют официальным

языком Китая (путунхуа). Кроме того, население страны поликонфессионально. Несмотря на примат коммунистической идеологии, китайская Конституция гарантирует право граждан на свободу вероисповедания. Китайцы исповедуют буддизм, даосизм, ислам, конфуцианство, христианство, а представители некоторых малочисленных народностей сохранили приверженность шаманизму.

Особенностью современного Китая является также значительное количество населения, в настоящее время число жителей страны составляет примерно 1 448 942 057 человек (18,3% от всего населения планеты), средняя продолжительность жизни 74,7 года. Традиционная семейная организация китайцев, отличающаяся консерватизмом, стала основой для быстрого роста количества населения в стране, что привело в 60-70 гг. XX в. к возникновению демографических и социальных проблем. В 80-х гг. в условиях масштабного реформирования общественных и государственных институтов властями республики были выработаны варианты разрешения вопросов, связанных с деторождаемостью, и создана четырехуровневая система контроля над приростом населения.

При всех очевидных достижениях КНР в экономике, промышленности, социальной сфере, внутренней и внешней политике, правовом развитии зеркально присутствуют и негативные тенденции, оказывающие влияние на безопасность общества и государства. Так, экономический рост происходит неравномерно. В удаленных провинциях и районах КНР уровень экономики заметно отстает от центральных и приморских регионов, что создает причины для массовой внутренней миграции. Выделение привилегированного слоя ханьцев из многонационального населения страны способствует возникновению конфликтов на межэтнической почве. Поликонфессиональность в определенных случаях вызывает напряженность и конфликты в отношениях между представителями разных религий. К этим факторам можно добавить двухвековую проблему уйгурского сепаратизма и постоянные попытки оказать дестабилизирующее воздействие на внутреннюю си-

туацию в периферийных провинциях Китая со стороны недружественных иностранных государств.

Все перечисленное в большей или меньшей степени оказывает влияние на деятельность радикальных группировок экстремистского и террористического характера, на их активность и, соответственно, стимулирует конструирование системы способов противодействия им со стороны государственных структур.

Изучение опыта государственного развития Китая, а именно в сфере противодействия экстремизму и терроризму, на примере отдельных территорий, в частности Синьцзяна, интересно возможностью поиска эффективных вариантов разрешения вопросов, связанных с этой глобальной проблемой.

Существующие в настоящее время в открытом доступе работы специалистов в этой сфере научных изысканий отражают в основном вопросы межрегиональной безопасности и антитеррористического сотрудничества в рамках ШОС. Особое внимание отечественными и зарубежными исследователями уделяется «лагерям перевоспитания» для мусульман и «уйгурскому вопросу». При этом можно отметить практически полное отсутствие работ, посвященных проблемам системного противодействия силовых структур КНР экстремистским и террористическим группировкам. Такая ситуация обусловлена объективной причиной, заключающейся в минимизированном доступе к сведениям об организации антиэкстремистской деятельности в КНР. Масштабный государственный контроль над информацией и ограничение ее распространения является частью политики по обеспечению внутренней безопасности страны.

Таким образом, при подготовке работ по обозначенной тематике авторы вынуждены использовать ограниченный круг источников. В данной статье, в частности, использовались малодоступные опубликованные и неопубликованные материалы, предоставленные коллегами из Синьцзянской полицейской академии КНР в рамках межвузовского международного сотрудничества [4-7].

Синьцзян-уйгурский автономный район Китая (СУАР) занимает значительную часть территории КНР. В Синьцзяне проживают многочисленные группы национальных меньшинств: 45% населения составляют уйгуры, 40% – этнические китайцы, 15% – дунгане, казахи, киргизы, узбеки и т.д. Главным городом и промышленно-экономическим центром СУАР является Урумчи с населением примерно 3 112 559 человек, 75% из которых являются китайцами, 12,8% являются уйгурами и 10% из других этнических групп¹.

Синьцзян, расположенный в северо-западной части Китая, являлся главной частью древнего Шелкового пути, а в настоящее время является отправной точкой «Экономического пояса Шелкового пути» в рамках проекта «Один пояс, один путь», граничит с семью евразийскими странами: Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном, Индией. Это территория Китая с самой длинной пограничной линией и с наибольшим количеством пограничных пунктов [5, с. 7-8].

Синьцзянские приграничные районы относятся к местам многонационального проживания и имеют, как правило, относительно закрытое географическое положение, примыкают к Центральной и Южной Азии. Расположение районов, их обширные территории – фактор негативного воздействия на безопасность района. Здесь возникают серьезные проблемы из-за высоких материальных издержек и нехватки полицейских сил [5, с. 8].

Проблема стабилизации жизненного уровня населения является основным фактором, оказывающим влияние на общественную безопасность. В последние годы экономика в Синьцзяне постоянно развивается. Предприятия континентального Китая, оказывающие партнерскую помощь местному населению, стали регистрироваться в Синьцзяне. Однако в приграничных зонах из-за удаленности от городских поселений, обустроенных дорог, неудобных коммуникаций помощь в развитии приграничных районов с их стороны сравнительно мала [5, с. 8].

В результате у жителей таких районов возможностей увеличить доходы по сравнению с другими развитыми территориями намного меньше. Возникает избыток рабочей силы, и легко подтверждается истина «проблемы создаются из ничего», поэтому вероятность относительного роста потенциальных проблем безопасности увеличивается [5, с. 8].

В регионе существует отраслевое разделение труда, при котором на рынке труда приоритет складывается в пользу китайцев, имеющих более привилегированный социальный статус, занимающих значимые должности с достаточно высокой заработной платой. Основная масса уйгурского и иного некитайского населения имеет более низкий статус и занимает более низкооплачиваемые должности. Уйгуры, считающие себя коренными жителями Синьцзяна, периодически выражают несогласие с политикой, проводимой китайским правительством в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. В XXI в. китайские власти позиционируют Синьцзян как регион «трех враждебных сил» – религиозного экстремизма, сепаратизма и терроризма [3].

В период правления в КНР Мао Цзэдуна проводилась активная переселенческая политика, результатом которой стала массовая, частично принудительная миграция этнических китайцев из различных провинций страны в Синьцзян с целью установления их последующего доминирования во властных структурах, политической сфере и промышленно-экономическом секторе региона.

В конце XX – начале XXI вв. содержание национальной политики менялось как на уровне центрального правительства Китая, так и непосредственно в Синьцзяне. Использовались различные методы и способы решения проблемы этнического и религиозного сепаратизма и экстремизма от радикальных до толерантных. Последствия этих действий властей являются неоднозначными и нуждаются в отдельном более детальном изучении.

С началом реализации «Политики реформ и открытости» в экономической, политической и культурной жизни Китая произошли огромные позитивные изменения, с другой

1 URL: <https://all-populations.com/ru/cn/population-of-urumqi.html> (дата обращения: 26.06.2021).

стороны, произошел значительный рост преступности. В результате анализа возникшей ситуации возникла идея о применении специальных кампаний «жесткого удара», направленных на нейтрализацию преступлений «высокого риска».

Содержание политики «жесткого удара» заключалось в проведении акцентированных оперативных силовых акций в рамках действующих законов с применением принципов «строгости и снисходительности». Одним из элементов «жесткого удара» стала мобилизация ограниченных судебных ресурсов, с помощью которых высокий уровень преступности был значительно снижен. Однако эти тактические маневры носили временный характер, а достигнутые результаты были неоднозначными.

При наличии жесткого официального запрета на религиозное образование в коммунистическом Китае мусульманам СУАР было разрешено обучать детей в рамках традиционной религии и посещать мечети. В 1989 г. в Синьцзяне насчитывалось 20000 мечетей, которые были построены с финансовой помощью китайского правительства, но в середине 1990-х гг. начались сепаратистские выступления и ситуация изменилась.

Массовые беспорядки 5 апреля в поселке Барын уезда Акто округа Кашгар, происшедшие в 1990 г., показали высокий уровень экстремистской активности в Синьцзяне. В период 1990-х гг. на территории СУАР были совершены около 250 террористических актов, в результате которых были ранены и убиты более 600 человек. Ответом стало применение в 1997 г. специальной тактики противодействия в рамках кампании «жесткого удара», получившей название «активной атаки» [6, с. 300].

В 1996 г. в Ките развернулись активные мероприятия силовиков по противодействию экстремистской преступности, были арестованы значительное количество мусульман, подозреваемых в сепаратизме, радикализме и причастности к проведению террористических актов. Однако, как показали последующие события, активные действия полиции и специальных подразделений привели к нега-

тивным результатам. В течение 16 лет Синьцзян являлся целью для террористических атак различных радикальных группировок и религиозных фанатиков, погибли значительное число полицейских, военнослужащих, государственных чиновников и гражданских лиц [6, с. 300].

В итоге в китайском обществе и среди специалистов возникли вопросы об эффективности кампании «жесткого удара по терроризму» в Китае и необходимости снижения уровня насильственных мер с переходом к более рациональной политике.

Так, по мнению сотрудников полицейской академии Синьцзяна Чжун Яня и Чжань Куня, факторы резонанса и конфиденциальности, связанные с расследованием уголовных дел, связанных с террористическими проявлениями, стали причинами определенного вакуума в академическом изучении данной проблемы [6, с. 300]. Отсутствие анализа, критериальной оценки событий, связанных с проведением политики «жесткого удара по терроризму», привело к консервации процесса выработки эффективной судебной практики в рамках разбирательств по делам такого содержания и вынесению решений о наказаниях [6, с. 300].

В ходе применения точечных ударов по сепаратистским группировкам, экстремистским и террористическим организациям не была выверена общая стратегия реализации этой политики в Синьцзяне. Проблемы возникли в системе общественного управления и законодательной деятельности. Радикальные сообщества в этих условиях проявили способности к трансформации и дисперсии, что в результате привело к сложностям в организации противодействия деструктивным структурам. Кроме того, массовое и не всегда правильно спланированное использование технологий «жесткого удара» по экстремистам привело к нарушению прав и свобод китайских граждан. Стремление к быстрому достижению результатов детерминировало появление большого количества контрверсионных и ложных дел, что привело в итоге к снижению авторитета полиции и судебных органов.

По мнению Чжун Яня, сотрудника института исследования нетрадиционных угроз безопасности, и профессора Чжань Куня, директора института исследования нетрадиционных угроз безопасности полицейской академии Синьцзяна, эволюция концепции «жесткого удара» непосредственно зависела от изменений в борьбе государства с радикализмом, изучения и анализа проблемы противодействия терроризму. Под воздействием различных факторов политика «жесткого удара» на разных этапах развития современного Китая имела различные содержание, цели и тактику [6, с. 300].

В 2009 г. в Урумчи, столице Синьцзяна, произошел теракт, известный как «инцидент 5 июля», результатом которого стало значительное количество жертв среди гражданского населения [2]. Последовали изменения в тактике антитеррористической борьбы. В рамках дальнейшего осуществления политики «жесткого удара» была создана следующая схема: «Активная атака, заметить и уничтожить, нанести превентивный удар», далее следовало «Антинасилие, верховенство закона, порядок» и затем «Удар в строгом соответствии с законом» [6, с. 300]. Акцент в итоге был сделан на преследовании террористов и экстремистов вне зависимости от принадлежности к этнической или религиозной группе и мотивов с применением исключительно законных оснований. С 2016 г. и по настоящее время концепция «жесткого удара» реализуется в направлении «Внимательно защищать и строго наказывать» [6, с. 300].

В ходе двадцатилетней реализации концепции «жесткого удара» против экстремистов и террористов в Синьцзяне силовыми структурами КНР были выработаны эффективные приемы и способы противодействия радикальным организациям. К ним можно отнести сбор, изучение и анализ информации о деятельности террористических и экстремистских группировок; проведение превентивных специальных операций по нейтрализации малых боевых групп на стадии их подготовки к проведению акций или террористических актов без прекращения ликвидации всех связанных между собой подразделений органи-

зации; установление полного контроля над киберпространством государства; введение тотальной системы наблюдения за приезжающими гражданами иностранных держав; формирование служб антитеррористической разведки; создание механизма регистрации передвижения трудовых мигрантов из Синьцзяна во внутренний Китай, проведение масштабной профилактической работы среди населения против «трех сил зла» (терроризма, экстремизма, сепаратизма) [6, с. 300].

В ходе реализации элементов политики «жесткого удара» во избежание проявления негативных последствий китайские специалисты приняли решение применить принципы «сочетания верховенства закона и нравственных ценностей в управлении государством», «управления Синьцзяном по закону и на основе укрепления солидарности разных этносов», «сочетания "жесткого удара" и активного перевоспитания». В настоящее время политика «жесткого удара» в Синьцзяне с внесенными необходимыми коррективами в ее реализацию доказывает свою эффективность в условиях КНР.

Изучение отдельных компонентов реализуемого в КНР антиэкстремистского курса в определенной степени проводится аналитическими подразделениями по противодействию экстремизму как на федеральном, так и на региональном уровне с целью возможного их использования при проведении соответствующих оперативных мероприятий. В частности, у отечественных специалистов вызывает интерес функционирование механизма контроля и идентификации внутренних мигрантов, а также лиц, прибывающих из зарубежных стран, что является актуальным для трансграничных российских регионов. Кроме того, проведение превентивных специальных операций по нейтрализации малых боевых групп на стадии их подготовки к проведению акций или террористических актов без прекращения ликвидации всех связанных между собой ячеек уже используется специальными структурами для пресечения деятельности радикальных исламистских организаций на территории России.

Таким образом, в китайской правоохранительной практике в рамках совершенствования мер по предотвращению и пресечению преступлений экстремистского и террористического характера накоплен значительный опыт и создана прогрессирующая система противодействия деятельности радикальных организаций и группировок. Изучение раз-

личных направлений государственного развития современного Китая, в том числе в сфере противодействия экстремизму и терроризму на примере Синьцзяна, своевременно и актуально, так как появляется возможность поиска новых эффективных вариантов разрешения данной проблемы и их применения в рамках российского правового поля.

Библиографический список

1. Евстифеев, Д. Война по уйгурски / Д. Евстифеев. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2014/05/26/6048273.shtml> (дата обращения 26.05.2021).
2. Мальцев, В. Китайский Кавказ: как Пекин борется с религиозным терроризмом в Синьцзяне / В. Мальцев, Е. Коростиченко. – URL: <https://life.ru/p/918218> (дата обращения: 20.05.2021).
3. Поликарпов, И.А. К вопросу о религиозном сепаратизме в Синьцзяне: история и современность / И.А. Поликарпов, О.Н. Поликарпова // Проблемы противодействия экстремизму и терроризму: региональный формат / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021.
4. Сюй Хао Мяо. Исследование мер по предотвращению терроризма одиночек // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVI международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – Ч. 1.
5. Хэнпин Ай. Уроки базовой работы «Опыт поселка Фэнцзяо» в низовых структурах приграничных районов Синьцзяна // Проблемы противодействия экстремизму и терроризму: региональный формат / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021.
6. Чжань Кунь Чжун Янь. Исследование судебной практики реализации уголовной политики «жесткого удара по терроризму» в Китае // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVI международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – Ч. 1.
7. Чжоу Мин Хон. Закон о постепенном изменении и контрмерах по предотвращению и контролю террористической преступности среди молодежи в Синьцзяне // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы XVI международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – Ч. 1.